

Алексей Кудряков

СТИХОТВОРЕНИЯ

АЛЕКСЕЙ КУДРЯКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Екатеринбург
Творческое объединение «Уральский меридиан»
2012

ББК 84(2Рос-Рус)
К88

Издание осуществлено
при поддержке
Министерства культуры и туризма
Свердловской области
и Екатеринбургского отделения
Союза писателей России

Кудряков А.

К88 Стихотворения / Алексей Кудряков — Екатеринбург: Творческое объединение «Уральский меридиан», 2012. — 30 с.

ISBN — 978-5-904646-04-2

В первую книгу Алексея Кудрякова вошли стихотворения, написанные в 2009-2012 годах.

ББК 84(2Рос-Рус)

©Кудряков А.В., 2012
© Творческое объединение
«Уральский меридиан»

ISBN — 978-5-904646-04-2

* * *

Так умирает только слово
на полосе пустой, ничейной —
безропотно и бестолково,
что забываешь назначенье
гвоздики розовой в петлице,
стихов и поднятых ботфортов,
глотая пыль на пепелище,
где нервно курит шнур бикфордов.

* * *

Закрой глаза. Вот мартовский паёк:
глоток вины, ржаной тоски полмеры.
На талом льду — густой кровоподтёк
с бычками вмятыми, бесцветно-серый.
Вдоль просеки — ряды безлюдных дач,
и звон цепей, и лай, летящий в дымку.
Погост и столб электропередач,
к земле клонящийся, — почти в обнимку.

* * *

Листы мертвы, но шорох музыкален,
строка — подобна линии брови.
И пусть у входа неподъёмный камень —
перешагни, шепни, заговори.
И чудо совершится: слишком мало
причин у смерти уводить на дно
всё то, что наскоро запеленала
в тугое глиняное полотно.
Гончарный круг — не перепутье ада.
Щепотка праха оживает от
прикосновения ладони, взгляда
и ангельских солоноватых вод.

* * *

Топить чаинки в молоке
в эмалированной посуде.
А по рассыпанной муке —
гадать на счастие. По сути
отсутствовать и наблюдать,
как убегает жизни тесто,
стирая божью благодать
с ещё не начатого текста.

ОЛЕСЕ

— Ничего не осталось, — уголками насмешливых губ
произносишь, в руках теребя замусоленный фантик.
Это значит, что самое время; и так ли уж глуп
старожил автострад, поменявший косуху на ватник?

Навсегда бы на всё положить. Но что-то звенит:
то ли память-беда, то ли попросту мелочь в кармане.
Вот и тянешь строку... Я надеюсь, меня извинит
золочёная быль — не вместившись — ушедшая с нами.

За подкладкою времени — много чудесных вещей
и весёлых словечек: шершавая, битники, вписка.
Потому и живёшь, нахлебавшись несолоно щей;
это было и есть, и не важно — далёко ли, близко.

На последние деньги накупим цветной мишуры,
оборвём календарь и станцуем на циферблате.
Нам помашет вослед, запуская на небо шары,
босоногий старик, как тогда — на уфимском Арбате.

* * *

Осень и первого снега бескрайняя смета —
из дому выйдешь, протопчешь на белом следы:
точки, пунктиры и графы «бесследно» и «смертно»,
прочее — не долговечнее талой воды.

Будем гостить у зимы в однокомнатных гнёздах,
по вечерам пить густой керосиновый чай,
взглядом плутать в заоконных рябиновых гроздьях,
где до весны припорошено прошлым «прощай».

Существовать друг от друга ни в теле, ни в пепле,
на расстоянии, переходящем в озноб, —
мысли и слова, из линий плетущего петли,
как из разрозненных злаков — повязанный сноп.

* * *

В этом доме, пожалуй, один лишь флюгер,
на оси повернувшись, понимал, куда
и зачем он движется — по лесной округе,
по антенным мачтам и проводам
телеграфным, трубам, огонькам у продмага,
где мужская брань и стекольный звон,
где накатанный снег, как лощёная бумага,
не полями — оврагами окаймлён.

Пережиток прошлого, юности, что ли,
бытование — в отдельно взятой избе,
полиэтилен — вместо окна и шторы,
пантомима по кругу, лампочка по резьбе —
из патрона — перед отъездом в город,
на ольховых ветках изморози пыльца,
скрип железной калитки, снежок за ворот,
и хозяйское «будем» — вдогон — с крыльца.

* * *

Потому что нельзя прозой, и нотой выше
беру, откашливаясь в кулак,
пока не погнали — и сам не вышел —
из дома в ангельский архипелаг,

которого нет в небе; тень его — всюду:
улыбка калеки, асфальт, бензиновый след,
подобный ветхозаветному чуду,
что обесценилось по прошествии лет.

Пока не растратили время, вину, обиду,
и голубь — не ворон — приглаживает пух
полётом, расслышать бы то, не подав и виду,
чего при конвое не произносят вслух.

* * *

...как тень заходит чуточку вперёд
при разговоре с телом, глядя в оба,
так будущее в прошлых дней черёд
с открытым ртом вперяется из гроба,

пытаясь разглядеть свои черты
глазами человека-полукровки:
последыша от ангельской четы,
приёмыша с бутылкою зубровки,

но взгляд, что, догоняя сам себя,
двоится — будто бы в угоду зелью,
пройдя сквозь толщу быта, бытия,
не преломляется — уходит в землю.

ФИЛАТЕЛИСТ

Душа филателиста — вещество
почтовой марки, сургуча и клея,
вольфрамовой свечи, всего того,
что в душной комнате, пылясь и тлея,

не исчезает насовсем; оно
рукой небрежной в чьи-то каталоги
уже до времени занесено —
без пропусков, помарок, тавтологий.

И потому тяжёлый бархат штор
прильнул к окну, и тлеет сигарета,
и утомлённый, напряжённый взор,
доверясь темноте, что тьмой согрета,

в табачном облаке находит брешь,
сверкающую залу соответствий:
предмета — образу, — и связи меж
рядами спутанных причин и следствий.

Их отраженье — в ритмике строки,
чередовании цветных картинок
на фолианте кляссера; тонки
прожилки калек, золотых пылинок;

надменно-холоден и строг пинцет:
мир для него есть россыпи аллюзий,
где каждый паровоз, цветок, портрет
не существует, находясь в союзе

с иным и подлинным. Филателист,
болея схожестью, сродни ищейке, —
творит себя: страшит не белый лист,
не пустота — отсутствие ячейки.

* * *

И, опоздав на восемь строк,
на полмолчания и выдох,
ладонью трогаешь висок,
теряясь в необъятных видах
асфальта, зеркала, стены,
где тень длиннее перспективы,
и ре-бемолю тишины
созвучны скрипок переливы.

* * *

Так и ходишь по кругу, вращаешь веретено, —
то ли руки запачканы, то ли место намолено:
Подмосковье, железнодорожное полотно,
электричка, платформа Монино.

Расписание выцвело, стёрлось, как вензелёк
на букварной странице — сказки, где наколдовано
путешествие дальнее, встреча, в руках василёк,
возвращенье — ухаб да колдобина.

На заляпанных стёклах, в потусторонней возне
светотени и мороси, время — остывшее олово.

...лучше выбраться в тамбур и, засыпая во сне,
опустить на колени голову.

СТРОФЫ

Е.Р.

В книге дубовый лист —
древа сухая длань.
Цвет его сер, землист,
форма — забвенью дань.

Жилки видны внутри,
выкрошился на треть.
В томе Мария Ри
кем-то оставлен тлеть.

Ни тишине извне,
ни говорку дубрав
мастер отсутствий не
внял бы — и был бы прав.

Не отличил бы слов
собственных на листе
от немоты снегов
на голубом холсте.

Мне ж, подмастерью, слух
режет их разговор:
слова живого дух,
мёртвого тела сор.

Мысли о злой судьбе —
это в свой огород
камни, коль сам себе
выродок и урод.

Лучше зайти с торца
зданья и спутать вид
ангелов и Творца
с видом кариатид.

Сделать глубокий вдох
и не рубить сплеча:
если виновен бог,
значит, вина ничья.

* * *

Скажешь: каникулы. Слово, как молоко
прокипячённое: с пенками и густое, —
пробую нёбом, дышу, живу на постое.
Всё хорошо, хоть и небо заволокло...

Слушаю, будто таёжный и чуткий зверь,
ветхой проводки электрический щебет,
как за посёлком в карьере взрывают щебень:
ухает так, что отходит со скрипом дверь.

Лень подниматься, набрасывать медный крюк:
ни новостей, ни беды не надует в щели.
Лучше за чаем в отцовской сидеть шинели,
не отнимая от кружки озябших рук.

Страхом, что не испытан и не изжит,
иль перемирием — вечер и книга Фроста.
Скоро победа: о приближении фронта
голос в тарелке даром что дребезжит...

* * *

Гроза и ветер — стихли. Дождь негромко в две руки
играет на карнизах, черепицах... Нет изъяна
в переложении меланхолической тоски
адажио восьмой сонаты для фортепиано

Бетховена — на диалект, понятный воробью,
калитке, палисаднику, заплаканной фиалке...
Мелодия, напоминающая ворожбу,
на цыпочках идущая по лужам, как в Фиальте

весна по строчкам зыбкой прозы, медленно торит
на тонком насте отражений неба и ракиты —
воздушный след... И майский жук из лоскутов кроит
крыло, утешенный — и выбравшийся из укрытий.

* * *

По периметру бывших колхозных вотчин,
вдоль забора, что наскоро был сколочен
из еловых жердей и горбыльных досок,

разместились куртины засохших вётел
и листвянка, чьё ведьминых пышных мётел
шелестение — прошлого отголосок.

Отбивая поклоны судьбе-калеке,
разбирая года — как одноколейки
маслянистые шпалы, воздушным руслом

направляется песенка, что щебечет
чёрный дрозд, как напёрсточник: чёт иль нечет,
будто ангел Люфтваффе — о самом грустном.

* * *

Июль. Несфокусированный взгляд
сквозь линзу времени бежит пространства.
Не контуры предметов — звукоряд
обозначает комнаты убранство.

Вот ложечка — она слегка звенит,
как на полотнах Грабаря — сервизы.
Как солнце, восходящее в зенит,
и раскалённые карнизы.

Соударение хрустальных мух,
десятки колокольчиков. И фразу,
распавшуюся на рефлексы, слух
распознаёт как вазу,

стоящую на плоскости стола.
За ним — орнаменты и арабески:
дыханье, шёпот тёмного угла
и занавески.

Свет уплотняется вблизи окна:
слышнее ксилофоны, флейты, домры.
И вещи обретают имена
и — формы!

* * *

Огуречные плети, стеклянный сачок:
стрекозиное тельце отныне
не волшебная палочка — только смычок
обезумевшего Паганини.

В парниковой утробе, в навозном чаду,
раздаётся густое стаккато —
как попытка разбить голубую чадру,
повторяющуюся стократно.

Приоткрытая тайна меж небом и рвом,
проявление барства, каприза:
му́ка, музыка — бренностью и веществом,
и дыхание в форме каприза.

* * *

Начавшееся *строфой* оканчивается *катастрофой*
(при наличии *катарсиса*), или же — удочкой Грофа,
что одно и то же. Диван, пижама... И пугливое горе,
не претендуя на точную рифму, бежит аллегорий,
забивается мышью под черепную коробку.
Вырасту, думал, большим, — излечу синяки и бровку,
отражению в страшном зеркале
загляну, не моргая, в зенки.
На середине — не заплутаю, выберусь из подземки
по эскалатору, лестнице приставной, невредимым!
Сорвавшийся — подхваченный херувимом...
Стихотворения пишутся только *на всякий случай*:
безверия, Сталинской премии, смерти, любви, падучей.
Жаль, почтальоны не носят писем, сжигают почту...
И лист, едва развернувшись,
спешит возвратиться в почку,
произнося: не искушай меня и не мучай!

ТРИПТИХ

1.

Никого из тех, кто бы помнил нас,
не сыскать уже в этот поздний час,
кроме нас двоих — исключая Бога:
у Него и так отщепенцев много.

Потому влечёт за собой слеза
на твоей щеке — горяча от гнева, —
за черту земного
добра и зла,
где в пустом раю лишь Адам и Ева.

2.

Не холщовой ниткой пройдём лоскут,
не прямой, но пунктиром — вдоль,
разбитным стишком через боль-
тоску,
а стежком золотым — уволь.

На длину отсутствия — твой глоток
и свечение, потому —
если вдруг не вынырну — брось платок,
угольком прожигая тьму.

3.

На твоих песочных — уже закат
Антарктиды:
гранитный лёд,
как бы ни был вязок и узловат,
под воздействием дней — течёт.

Осыпаясь, время в белёсый шлак
обращается — сроки, сутки,
от которых бегство есть влажный шаг
по плечу до янтарной грудки.

* * *

У пятой рюмки есть двойное дно,
у поздней осени — подавно.
Табачный дым, струящийся в окно,
чуть приоткрытое, и плавно
в ночь уносимый лёгким сквознячком.
Застывший сад, и комья глины
у ветхого скворешника, ничком
упавшего под георгины...

Предзимний вынужденный карантин,
ряды обратной перспективы —
начало иконописи картин
былого, где поныне живы
блудницы, мытари... и я: один
из *них* — ушедших восвояси.
Теперь: кто у осин, кто господин,
кто сеном устилает ясли.

* * *

Юность — что кошка, гуляющая по рельсам,
припорошённым ноябрьским снегом.
Только — метафора...
Сморщившись от пореза,
перемогаясь улыбкой, плевочком, сленгом,
на станционной платформе носком ботинка
чертишь фигуры речи
и запинаешься...
Ветер, ч/б картинка,
склеенная не крепче
выцветших кинолент...
Отдалённый скрежет,
тянущийся монотонно,
товарняков, попадающих в такт всё реже
на разлинованном поле — снега, земли, бетона.

13. I. 2012

Догонять твоё тридцатилетие — значит смотреть
на стеклянную дверь за щербатой эвклидовой кладкой,
различая не в трещинках ржаво-кирпичную клеть,
а прибрежный песок, перемешанный с розовой галькой,

гладкой, как велимирово «эль», и поодаль — затон,
облепиховых зарослей обско-сибирское море,
черепаховый гребень — тот самый, что прятал Зенон
в апории о времени и человеке, о ссоре

настоящего с будущим, с памятью, ибо теперь
не коснуться ни гребня, ни прядей, что влажно сверкали
под полуденным солнцем, —
смотреть на стеклянную дверь,
различая лишь волны и яхт паруса из перкали...

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Так умирает только слово...» 3
«Закрой глаза. Вот мартовский паёк...» 4
«Листы мертвы, но шорох музыкален...» 5
«Топить чаинки в молоке...» 6
Олесе 7
«Осень и первого снега бескрайняя смета...» 8
«В этом доме, пожалуй, один лишь флюгер...» 9
«Потому что нельзя прозой, и нотой выше...» 10
«...как тень заходит чуточку вперёд...» 11
Филателист 12
«И, опоздав на восемь строк...» 14
«Так и ходишь по кругу, вращаешь веретено...» 15
Строфы 16
«Скажешь: каникулы. Слово, как молоко...» 18
«Гроза и ветер — стихли. Дождь негромко...» 19
«По периметру бывших колхозных вотчин...» 20
«Июль. Несфокусированный взгляд...» 21
«Огуречные плети, стеклянный сачок...» 22
«Начавшееся строфой оканчивается катастрофой...» . . . 23
Триптих 24
«У пятой рюмки есть двойное дно...» 26
«Юность — что кошка, гуляющая по рельсам...» 27
13. I. 2012 28

Литературно-художественнное издание
КУДРЯКОВ
Алексей Васильевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор — В.Ю. Дулепов.
Корректор — Н.А. Зайцева.
Компьтерная вёрстка —
Творческое объединение
«Уральский меридиан».

Подписано в печать 28.03.2012. Формат 79x108/32
Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 850
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии АМБ
620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 59.
Тел.: (343) 251-65-91, 251-65-95